

УДК 821.161.1

ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА В ЦИКЛЕ «КАПРИЗЫ И РАЗДУМЬЯ»

© 2014 г.

М.В. Шахова

Нижегородский госуниверситет им Н.И. Лобачевского

mashylik@bk.ru

Поступила в редакцию 08.01.2013

Рассматривается сборник статей А.И. Герцена «Капризы и раздумья», в котором отразились взгляды Герцена на личность, на соотношение разума и чувств в человеке. Поднимается вопрос о взгляде Герцена на революцию и эволюцию человека. Рассмотрены некоторые цитаты, которые помогают Герцену раскрыть свои идеи революционизма.

Ключевые слова: революция, разум и чувства, цитирование, Герцен, взгляд на личность.

В истории русской литературы А.И. Герцен традиционно характеризуется как общественный деятель, социалист и *революционер*. Например, В. Путинцев в своей статье «Герцен и его «Былое и думы» [1] называет писателя так: «великий русский писатель-демократ, ближайший наследник декабристов и один из учителей революционных разночинцев 60-х годов». На сайте коммунистической партии России [2] 6 апреля 2012 года опубликована статья В. Симонина, который также утверждает, что «по мере развития событий в России Александр Иванович пришел к выводу, что истинную свободу народу может принести... социализм». Однако нам кажется, что, употребляя слова «революционер» или «социалист» в применении к Герцену, необходимо скорректировать их, во-первых, анализом функционирования этих понятий в его творчестве, во-вторых, исследованием аргументов. Их функцию часто выполняют ссылки и цитаты, используемые автором в подтверждение своих наблюдений. В-третьих, требуется уточнение терминов, которыми определяется мировоззрение писателя, претерпевшее значительную эволюцию. Ю.И. Айхенвальд [3], например, увидел в Герцене не только революционера, но и поэта: «И одна из самых привлекательных черт его личности именно в том и заключается, что он – одновременно деятель и созерцатель, политик и поэт». Эта особенность духовного облика Герцена крайне важна для наших дальнейших рассуждений.

«Капризы и раздумья» – цикл из трех статей А.И. Герцена, написанных в 1843–1847 годах, но собранных под одним заглавием уже в 60-е годы за границей. Статьи «По поводу одной драмы», «По разным поводам», «Новые вариации на старые темы» отражают важный этап в

формировании мировоззрения Герцена, поиски им ответов на онтологические вопросы, что в целом было характерно для многих молодых людей 40-х годов, посещавших собрания Петербургского кружка западников, под руководством В.Г. Белинского. В статьях, опубликованных им в петербургской печати, Герцен последовательно излагал собственную интерпретацию фундаментальной философской проблемы соотношения в человеческой природе разумного, рационального (раздумья) и эмоционального (капризы). В свойственной ему манере Герцен привлекает для доказательства своих мыслей цитаты, по-своему оригинально обозначая в заглавии цикла предмет обсуждения.

В словаре В. Даля революция – «ж. франц. *переворот, внезапная перемена состоянья, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство*. Революция в погоде, в пищеварении, в общественном мнении, *переворот*. Смуты государственные, восстание, возмущенье, мятеж, крамола и насильственный переворот гражданского быта. *Генерал от революции, брань, прозвище людей, бессмысленно стремящихся ко всеместным крамолам и переворотам*». Обратим внимание на то, что в семантическом поле слова «революция» словарь XIX века на *втором* месте фиксирует те значения понятия, которое в словарях XX века практически не представлено. Слово «революционер» в толковом словаре Ушакова и Шведовой [4] определяется как «участник революционного движения, революции, сторонник революционных методов борьбы». Революция же определяется как коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти. В «Кратком словаре по философии» под

редакцией И.В. Блауберга и И.К. Пантина [5] «революция социальная» рассматривается как коренная ломка старого, отжившего строя и утверждение новых, более прогрессивных социальных порядков; скачок общества с одной ступени своего развития на другую (курсив наш. – М.Ш.).

Герцен понимает революцию весьма масштабно, но в статьях 40-х годов она отнюдь не отождествляется им с политическим переворотом. Революция в сознании Герцена – это смена культур, цивилизаций, внутреннее, близкое к религиозному, обновление человека. Поэтому и сам процесс революции рассматривается им прежде всего как преодоление душевной «смуты», которая связана не столько с внешними изменениями действительности, сколько с коренными изменениями сознания человека. Эта мысль по-разному выражалась в творчестве Герцена. Так, характеризуя особенности произведений Герцена, Белинский выделял его особенный гуманизм: «человеколюбие, но развитое сознанием и образованием» [6]. Существует определенная связь между категорией гуманности и теми понятиями (*многосторонность (широкость), консеквентность (последовательность), пластицизм, скептицизм, негация*), которыми пользуется писатель, разрабатывая собственную концепцию личности, впервые обстоятельно представленную в «Капризах и раздумье» [7]. Морально-этические проблемы, рассматриваемые в этом цикле статей, с одной стороны, характерны для идейных интересов русской интеллигенции того времени, а с другой стороны, раздумья над этими проблемами связаны и с событиями личной жизни Герцена.

Таким образом, революционизм Герцена имеет не социально-политический смысл. Он настаивает на том, что революция, а точнее сказать эволюция, должна произойти в самом человеке. А рассматривая человеческую личность, мы непременно сталкиваемся с понятиями «разум» и «чувства». Начиная разговор с читателем о том, как в человеке уживаются рациональное начало и чувственное, эмоциональное, Герцен в качестве отправной точки суждения обращается к комментарию сюжета пьесы О. Арну и Л. Фурнье «Преступление, или Восемь лет старше», поставленной на сцене одного из Петербургских театров¹. Пьеса представляла собой перевод с французского, а рецензия на неё была опубликована Герценом в «Отечественных записках» в 1842 году. Постановка пользовалась большим успехом у публики, так как главную роль в ней исполнял М. Щепкин, хотя сам сюжет был весьма непритязателен. Учитывая по-

пулярность пьесы, Герцен использует необычный способ цитации – пересказ, но не детальный, а краткий, фиксирующий то, что важно рассказчику. Он характеризует взаимные отношения героев любовного треугольника: Генриетта и Полина, влюбленные в Эмиля, Эмиль, влюбленный в Полину, но связанный долгом с Генриеттой. Пересказ всей пьесы изложен у него на полутора страницах, так как Герцен сосредоточен на основном противоречии, терзающем Эмиля. В своем дневнике в сентябре 1842 года, после просмотра этой пьесы, Герцен напишет: «Да неужели для человека только и дано в удел, что любиться, и неужели одна любовь дает Grundton всей жизни, – на все есть время. Зачем этот человек не раскрыл свою душу общим человеческим интересам, зачем он не дорос до них? Зачем и женщина эта построила весь храм своей жизни на таком песчаном грунте? Как можно иметь единым якорем спасения индивидуальность чью-нибудь? Все оттого, что мы дети, дети и дети», то есть общество с неразвитым чувством общечеловеческих интересов.

Таким образом, ввод косвенной цитаты мотивирован не стремлением вступить в диалог с предполагаемым оппонентом, а желанием конкретизировать свою мысль, СВОЮ идею. Сюжет драмы становится исходным моментом для размышления Герцена о двух основных ипостасях человеческой природы: разуме и чувстве, породивших концепции сенсуализма и рационализма, где на идее конфликта разума и чувства построены философские системы. Герцен, выстраивая свою философскую концепцию, подвергает сомнению саму идею конфликта, обосновывая мысль о единстве разума и чувства, формирующем человеческую личность: «Не отвергнуть влечений сердца, не отречься от своей индивидуальности и всего частного, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словом, развить эгоистическое сердце во всех скорбящее, обобщить его разумом и в свою очередь оживить им разум» [7]. Страстность, по мнению Герцена, есть первый шаг человечности природы, без которого не существует разумное начало.

Таким образом, классическую идею о противостоянии разума и чувства, которой пронизана философия литературы, он признает бессмысленной и непродуктивной. Главный тезис, который доказывает Герцен, заключается в том, что чувственное начало должно развиваться «в мир всеобщего», то есть в направлении от частного

к общему. Предлагая свое видение преобразования мира, Герцен-революционер сосредоточен не только на вопросах изменения мира вообще, сколько на проблемах *изменения представлений о путях формирования духовно-нравственных принципов* каждого человека в отдельности.

«Если мы мало видим детей, понимающих истины, – это оттого, что со дня рождения возвращают естественный смысл ребенка воспитанием», – пишет Герцен [7]. Он сокрушается о том, что наряду с развитием государства, науки, искусства, промышленности совершенно не развивается «домашняя жизнь». Нет ни мыслителей, ни талантов, развивающих эту сферу жизни, а между тем, именно в этом заключается важнейшая общественная проблема, как считает Герцен. Отсутствие серьезных подходов к решению вопросов «домашней жизни» становится причиной нравственного упадка общества. В результате изменение мира «внешнего» не приводит к необходимым переменам во внутреннем мире человека. Он продолжает жить в мире предрассудков, а мораль не становится насущной потребностью личности, принимая облик внешней благопристойности. Здесь, как мы видим, Герцен опять повторяет мысль о невозможности полноценного развития общественных отношений вне решения проблем отдельного человека. Герцен говорит, что человечество все время пытается скрыть свою частную, «тайную» жизнь, однако она непременно рано или поздно открывается. Здесь Герцен прибегает к цитате из стихотворения Гёте «Пряха», в которой как раз из уст девушки звучит фраза о том, что чувства невозможно все время скрывать и рано или поздно они «выдут на солнце»:

Was sich in dem Kämmerlein
Still und fein gesponnen,
Kommt – wie kann es anders sein? –
Endlich an die Sonnen!²

Эта метафора «обнаружения», столь емко представленная в цитируемом стихотворении, несколько раньше проявила себя в «Записках одного молодого человека» – автобиографической повести, в которой ссылка на Гёте («Для того, чтоб уметь понимать Гёте и Шекспира, надобно, чтобы все способности развернулись, надобно познакомиться с жизнью...») воплощается в словосочетании *способности развернулись*, то есть сделались достоянием не отдельной личности, а общества.

Другим гетевским образом, отсылка к которому помогает Герцену раскрыть его видение сути любви, становится образ юного Вертера. В этом герое он видит «пустого малого», в его жизненные переживания не входит ничего,

кроме «маленького мира его сердечных отношений». Сам же Герцен считает, что любовь должна быть лишь «великим элементом» всей остальной жизни. Цитату из романа Пушкина «Евгений Онегин» (Стократ блажен, кто предан вере, / Кто, хладный ум угомонив, / Покоится в сердечной неге, / Как пьяный путник на ночлеге) он приводит, размышляя о противоречии между разумом и сердцем или о его отсутствии. Сам пушкинский роман построен на антитезе ума и чувств. Автор жалеет того, «чье сердце опыт остудил». С другой стороны, для Татьяны в конце романа долг супруги оказывается все же выше любви к Онегину. Видимо, именно эти противоречия в «Евгении Онегине» заинтересовали Герцена. Он сам задумывается о чувственном и рациональном началах в человеке. Однако он не идет в русле пушкинских размышлений и не разделяет их. Для него разумное и эмоциональное словно слиты воедино, дополняя друг друга.

Размышляя о природе разума и чувств, Герцен вступает в спор с Кантом. Антиномии Канта, в которых изложено представление о том, что разум не может выйти за пределы чувственного опыта и познать «вещи в себе», Герцен считает ошибочными. Именно с их отрицания он и переходит к изложению своей идеи о путях формировании гармонии разумного и чувственного начал в человеке и обществе.

Нравственность человека, по мнению Герцена, проверяется не в служении государству, идее, а в простом человеческом отношении к другому. Он считает неприемлемым «беречь свои деньги, зная, что сосед умирает с голоду». Скупость, как и расточительность, – суть две болезни, «текущие из одного источника и приводящие различными путями к одному концу», к моральной гибели человека. Другой формой человеческой жизни, тормозящей ее развитие, являются заблуждения и предрассудки, вызывающие у Герцена ассоциацию с нарушением естественного хода вещей. Выразить эту мысль ему помогают строчки из стихотворения Баратынского «Предрассудок» (Предрассудок! он обломок/Давней правды. Храм упал;/А руин его потомок/Языка не разгадал)³. Несмотря на то что Герцен не отрицает, что все предрассудки основаны на древнейшей правде, которая уже практически недоступна разумному объяснению, он делает опорными понятиями своих суждений слова *обломок* и *руины* из текста Баратынского. Действительность меняется, и объяснить ее с помощью «древнейшей правды» уже невозможно. Все, чем мы руководствуемся, должно быть оправдано разумом, а все остальное должно быть «исторгнуто из груди», счита-

ет Герцен. Здесь автором поставлена еще одна проблема, касающаяся человеческой личности. Герцен убежден, что трагедия многих людей обусловлена страхом быть не такими, как все, так как это влечет за собой обязанность отвечать за свои поступки перед обществом. Люди, снимая с себя эту ответственность, тем самым тормозят ход развития человечества. «Лень и привычка, – пишет Герцен, – два несокрушимых столба, на которых покоится авторитет». Не напоминает ли эта мысль идею футуристов, высказанную, правда, в более резкой форме в «Пощечине общественному вкусу» [8]? Герцен еще в 40-е годы XIX века сформулировал мысль о губительной силе авторитарности. Однако мудрость Герцена заключается в том, что он сопрягает понятия «авторитетность» и «разумность», «оправданность разумом», что в его системе ценностей означает способность человека к самостоятельному мышлению, требующему напряжения не только разума, но и чувства.

В конце цикла статей, в четвертой части «Новых вариаций на старые темы», Герцен уже открыто высказывает свою мысль о человеке и идее. Обратим внимание на то, что Герцен использует личное местоимение «я», казалось бы, выражая свое личное мнение, однако это, скорее, способ усилить эмоциональность высказывания, подчеркнуть его глубоко выстрадавший характер. Расставляя приоритеты, Герцен-«революционер» утверждает, что нельзя любить что-то отвлеченное: «справедливость в человеке, не увлеченном страстью, ничего не значит», «если я в человеке люблю только его идею, я не люблю человека». Так, фраза «я люблю людей» означает, что человек, в сущности, не любит никого. Именно чувство и страсть, по мнению Герцена, делают человека человеком. Так, например, абсолютная справедливость судьи лишает его на время человеческого. Здесь исключается сострадание, понимание, прощение – то, что делает нас людьми. Наивная вера без малейшего раздумья, считает Герцен, приводит к катастрофическим, губительным последствиям. Так что любая идея должна быть оправдана разумом и воспринята не абстрактно, а с учетом личностного понимания.

Таким образом, в философской концепции личности «страстность» занимает почетное место наряду с разумом. Идеи, в которых выражено разумное начало, являются не абстракцией, плодом «чистого» разума, но результатом напряженной работы человека над самим собой и окружающим миром, а цель и смысл революции в понимании Герцена – в стремлении создать гармоничную личность не путем «свершения коренного переворота в жизни» [4], скачка об-

щества с одной ступени своего развития на другую (курсив наш. – М.Ш.) [5], а в процессе эволюционного развития человечества. Получается, что революционные идеи Герцена базируются, в первую очередь, на гармоническом взаимодействии рационального и эмоционального в человеке, а впоследствии на развитии этого человека как личности.

Это понимание революции и объясняет впоследствии самобытную форму его мемуаров «Былое и думы», где все исторические события пропущены через личное восприятие писателя. «Герцен создал произведение небывалое, – пишет Л. Гинзбург, – оно насыщено теми вопросами, которые в течение ближайших десятилетий предстояло решать русскому роману, и оно же «человеческий документ», непосредственное свидетельство о жизни» [9]. И в творчестве, и в миропонимании Герцена тесно связываются общественное и личное, революционное в обществе и, скажем, эволюционное в человеке. Еще в начале XX века Ю. Айхенвальд, размышляя о своеобразии психологизма Герцена, писал, что «... обращенный к внешнему миру, Герцен в то же время углубленно жил и в мире внутреннем» [3].

Как видим, философские воззрения Герцена, рассмотренные в контексте русской классической литературы и философии, показывают, что «революционность» писателя – это новый этап в развитии идей о свободе личности как результате целенаправленной работы по ее формированию, которое начинается с воспитания потребности личности в самосовершенствовании.

Примечания

1. Перевод с французского. Пьеса была поставлена в 1842 году, и рецензия опубликована Герценом в «Отечественных записках». Народ шел на пьесу, так как в ней играл М. Щепкин. Герцен использует этот факт, чтобы показать уровень самосознания современного общества.

2. То, что в комнатухе тихо и тонко замышлялось, выйдет в конце концов – да и как это может быть иначе? – на свет божий (нем.).

3. Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлостного отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

Список литературы

1. Путинцев В. А. И. Герцен и его «Былое и думы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0120.shtml.
2. Симонин В. Жизнь и подвиг Александра Герцена. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kprf.ru/rusk/104794.html>.
3. Айхенвальд Ю.И. Герцен (Психологические контуры). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/gercen/ayhenv_gercen.html
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictio-nary.ru/>
5. Краткий словарь по философии/ Под общ. ред. И.Б. Блауберга, И.К. Пантина. 4-е изд., М.: Политиздат, 1982. 431 с.
6. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml.
7. Герцен А.И. Капризы и раздумье // Герцен А.И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., 1975. С. 313–365.
8. Бурлюк Д. и др. Пошечина общественному вкусу // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / Сост. Бродский Н.Л. и Сидоров Н.П. М., 2001. С. 129–130.
9. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1977. 450 с.

**HERTZEN'S PHILOSOPHY OF «REVOLUTION» IN THE SERIES OF ARTICLES
«CAPRICES AND REFLECTIONS» (ON THE PROBLEM OF QUOTATION)**

M.V. Shakhova

The article examines the problem of revolution in Herzen's series of articles «Caprices and Reflections», which reflect the views of Herzen on individual and on the relationship of feelings and rationalism in man. The author raises the question about Herzen's views concerning revolution and man's evolution and looks at some quotations in Herzen's articles that help to reveal his ideas of Revolutionism.

Keywords: revolution, rationalism, feelings, quotation, Herzen.

References

1. Putincev V. A. I. Gercen i ego «Byloe i du-my». [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0120.shtml.
2. Simonin V. Zhizn' i podvig Aleksandra Gercena. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://kprf.ru/rusk/104794.html>.
3. Ajhenva'l'd. Ju.I. Gercen (Psihologicheskie kontury). [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://dugward.ru/library/gercen/ayhenv_gercen.html
4. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova. M., 1935–1940. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ushakovdictio-nary.ru/>
5. Kratkij slovar' po filosofii/ Pod obshh. red. I.B. Blaubergera, I.K. Pantina. 4-e izd., M.: Politizdat, 1982. 431 s.
6. Belinskij V. G. Vzgljad na russkuju literaturu 1847 goda. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml.
7. Gercen A.I. Kaprizy i razdum'e // Gercen A.I. Sobranie sochinenij v 8 tomah. T. 2. M., 1975. S. 313–365.
8. Burljuk D. i dr. Poshhechina obshhestvennomu vkusu // Literaturnye manifesty: Ot simvolizma do «Oktjabrja» / Sost. Brodskij N.L. i Sidorov N.P. M., 2001. S. 129–130.
9. Ginzburg L. Ja. O psihologicheskoj proze. L.: Hudozh. lit., Leningr. otd., 1977. 450 s.